

Труд-1998

КРУПНЫЙ ПЛАН

- 28 июля - 4

«Я — не папарацци, я — не папарацци!» — кричал на бегу парень, неизвестно откуда появившийся в Настасьинском переулке, нацеливая фотокамеру на Макаревича. Вот она, слава, подумала я.

...Мы сидим в редакционном кабинете. Андрей Вадимович отказывается от моих «дамских» сигарет, и я нахожу ему завалявшуюся пачку ядерных, псевдоамериканских, с нежным названием «Бой».

Осторожно затаившись, Макаревич выдерживает паузу и говорит:

— Удивительно, человек ко всему привыкает. Вот сейчас я думаю, что придется бороться с тошнотой, а потом ничего, привык.

— Так уж ко всему и привыкает? Вы производите впечатление очень удачливого человека. Все у вас получается, везде успеваете, от поклонников и журналистов отбоя нет. К этому тоже привыкли?

— Мне трудно судить о впечатлении, которое я произвожу. На самом деле не так все красиво, как кажется со стороны, потому что ничего с неба просто так не падает.

— Круг ваших занятий необычайно широк — пишете стихи, музыку, рисуете, поете, ведете телепередачи и т.д. Конечно, разносторонне одаренные люди не так уж редки, но мало кому удается добиться успеха сразу во многих областях. А ваши песни звучат в эфире, ваши картины выставляются, ваш «Смак», думаю, знают в

остальное меня не очень интересует или я просто не успеваю на это обращать внимание.

— Что для вас политика?

— Политика — то, к чему бы я хотел иметь отношение в последнюю очередь. Мне очень не нравится ни политика, ни деятели, которые ею занимаются. Я думаю, что в политику идут люди, отягощенные комплексами и, как правило, не вполне здоровые. А если они туда попадают здоровыми, то очень скоро здоровье свое теряют.

— Что же за комплексы у них?

— Ну, может, не совсем адекватное представление о себе, своих способностях и о ситуации, в которой они находятся.

— Кто же тогда должен заниматься политикой?

— Не знаю. Наверное, можно на компьютере вывести тип идеального политика. Но, думаю, в природе их не существует. Потому что если человек идет туда, всерьез одержимый идеей спасти человечество, то он отчасти идиот. А если он стремится в политику из каких-то личных сооб-

газете, например, я имею мало отношения. Ее делают другие люди, а я как автор раз в месяц пишу им статью. Мне отбирают письма читателей, и на самые интересные я отвечаю в газете.

— Письма «за жизнь»?

— Нет, газета-то кулинарная. Получилось, что стране интересней меня видеть поваром. Что ж, теперь другую страну выбирать?

Нет у меня и своего ресторана. Есть два приличных заведения под нашей фирменной маркой — в Питере и Днепропетровске. Сейчас идут переговоры о производстве продуктов с этой маркой. А вообще при нынешнем пиратстве в каждом городе есть кафе «Смак», магазин «Смак». Но я не могу судиться с ними — для этого надо иметь собственную юридическую контору и кучу денег на адвокатов.

— Но вас это задевает?

— Конечно, задевает. Авторские права, интеллектуальная собственность — лишь слова. Например, около 80 процентов всей музыкальной аудиопродукции — пиратство. То есть те деньги, которые должны были получать композиторы и музыканты, получают неизвестно кто. И если государству на это наплевать, то что тут можно поделывать?

— А как себя чувствует ваша «Машина времени»? Ей ведь в следующем году стукнет 30 лет.

— «Машина» в порядке. Гастролируем и по России, и по зарубежью. Предложений больше, чем мы можем осилить. Неделю назад, например, приехали с Дальнего Востока, где дали несколько концертов. Хотим записать новый альбом к своему тридцатилетию и планируем очень большой тур по стране и за границей.

— Об эстрадных музыкантах, певцах и певицах ходит много разных слухов, сплетен...

— Люди слышат то, что они хотят услышать.

— Ну а скандалы? Скандалная слава ведь тоже подогревает интерес публики.

— Я не думаю, что это делается специально, особенно сегодня. Как правило, пресса определенного толка создает такие ситуации сама, независимо от твоего желания. Сейчас ведь культура очень продвинулась. И если, например, идет какой-то прием или, как сегодня говорят, презентация, то никому не интересно фотографировать тебя просто так, интересно только, когда ты либо выпиваешь, либо закусываешь, либо, извините, писаешь. Это сейчас считается хорошим тоном в журналистике.

— Вы сразу видите, когда к вам проявляют интерес как к знаменитости, а когда как к человеку?

— Думаю, что, как человек, я репортеров вообще не интересую. Им нужно сделать какую-то сенсацию, это их работа, они за это получают деньги. Сдадут материал и забудут обо мне через пять минут, пойдут Алибасова фотографировать.

— Но ведь и ваша деятельность — не всегда чистое искусство. Например, агитационная программа «Голосуй, а то проиграешь!» в поддержку Ельцина на выборах в 1996 году.

— Да, мы ездили с этой программой на президентских выборах, и совершенно сознательно. Потому что ситуация была такая, когда, к сожалению, вмешаться было необходимо. Потому что товарища Зюганова в качестве президента я видеть крайне не желал.

— А сегодня за кого бы вы поехали агитировать?

— Не хочу сейчас загадывать, поскольку пока совершенно непонятно, куда все это дело повернется. У меня есть ощущение на уровне интуиции, что нынешняя картина с политическими лидерами сильно поменяется в течение года.

— Кто, на ваш взгляд, сегодня наиболее интересен на российской эстраде?

— Мне интересна группа «Квартал», группа «Несчастный случай», мне всегда интересен Боря Гребенщиков.

— Потому что он всегда что-то новое придумывает?

— У меня-то как раз ощущение, что он 25 лет поет практически одну длинную песню, но эта песня мне безумно интересна.

— Вы галстук носите?

— С галстуком у меня непростые отношения. Абстрактно мне галстук очень нравится как элемент. Я думаю, что это некий элемент мужского достоинства. Галстуков у меня штук 15, но ношу их крайне редко. Потому что редко оказываюсь в местах, где это уместно. Не стану же я с утра мотаться по городу в галстук. Надеть галстук для меня — событие, поступок. Я их надевал-то в своей жизни всего раз десять.

— Мне кажется, человеку всегда интересно попробовать то, что он никогда не пробовал делать или не знал раньше. Жаль, что этот интерес с годами проходит. Так?

— У меня такое ощущение, что я попробовал почти все, что хотел попробовать. Ну, скажем, я не прыгал с парашютом. Если случай подвернется, наверное, прыгну. А, может, и захочется. Попробовать, чтобы испытать какие-то новые ощущения, и бросить — это не в моих правилах. Я пробую то, чем буду заниматься.

— А удовольствия?

— Когда ты что-то задумал, сделал и получилось точно так, как ты представлял, — это и есть самое большое удовольствие.

Беседу вел
Ольга СОЛОМОНОВА.

Андрей МАКАРЕВИЧ:

ЖИЗНЬ НАДО
СМАКОВАТЬ

Фото Вячеслава КРУГЛИКОВА

ражений, то просто непорядочный человек. Третьего не бывает. У Галича был хороший стих: «Бойтесь единственно только того, кто скажет: я знаю, как надо».

— Почему талантливые, зрелые, состоявшиеся люди, как правило, не идут в политику?

— Я думаю, что здесь действует такой принцип: я не могу взять на себя ответственность за огромное количество людей, не могу допустить, чтобы от меня завтра зависело, что они будут есть, как они будут работать, платить налоги и прочее. Я не вправе принимать за них такие решения.

— А вы лично за какое количество людей можете взять на себя

ответственность?

— По большому счету только за себя. Безусловно, я чувствую ответственность за детей — их у меня двое. Тем не менее считаю их вполне нормальными людьми и надеюсь, что они вырастут самостоятельными.

— Круг вашего общения, видимо, очень широк или вы его ограничили только друзьями?

— Ну, во-первых, он ограничен сам собой, потому что на 99 процентов общаюсь с теми людьми, с кем работаешь. Во-вторых, общаться просто так с незнакомыми людьми, чтобы услышать, «каковы ваши творческие планы», — удовольствия мало. Тут уже как-то защищаться приходится.

— Есть какие-то приемы, помогающие отделиться от назойливых людей, навязчивых поклонников и поклонниц?

— Безусловно, методы всякие есть, но я здесь не всему научился. До сих пор, например, не могу себя заставить отключить телефон, даже если лег спать в шесть утра. А вдруг будет какой-то очень важный звонок? Хотя ничего, как правило, не происходит, кроме массы идиотских звонков, а я невыспавшийся еду на работу.

— Говорят, что вы удачливы и в бизнесе, а «Смак» — это целое предприятие.

— Я не занимаюсь никаким бизнесом. Считаю, что бизнес — это вид спорта, где основной задачей является приумножение прибыли. Я же по складу характера не спортсмен и совершенно не азартный человек. Кроме того, у меня нет задачи приумножить прибыль. На жизнь мне вполне хватает, а денег на то, что мне хотелось бы, скажем, на съемки собственного фильма, я все равно никогда не заработаю. Бюджет даже самой недорогой картины сегодня в России составляет 300 — 400 тысяч долларов. А я не ставлю перед собой нереальных задач.

Теперь о «Смаке». Я пришел на телевидение, потому что это было очень интересно. Потом понял, что не смогу существовать внутри структуры, которая будет меня использовать как ведущего или автора с узнаваемой мордой. И как только появилась возможность, мы отделились и создали очень небольшую самостоятельную компанию.

— А потом к телепередаче приложились газета «Смак», ресторан, магазин?

— Ну да, заводы, пароходы! Вообще идет масса предложений, из которых девятно процентов отсеивается сразу. И к

каждом доме. А с какой профессии вы начинали?

— Вообще-то по образованию я художник, моя профессия — архитектор. И несколько лет я работал по профессии. Учился на вечернем отделении института и параллельно работал в «Гипроатре». Но архитектура, наверное, не мое дело. Я не могу ждать результатов труда долгие годы, мне нужен немедленный результат.

— Вы нетерпеливы?

— Я нетерпелив, а потом, очевидно, накладывает отпечаток то, чем я занимаюсь. Песня пишется, и она должна быть спета и записана на диск. Телепередача делается, и она должна выйти в эфир, иначе какой смысл? Я, например, не пишу картины маслом — они у меня замученные получают. Я занимаюсь графикой.

— Но графика — тонкая и скрупулезная работа.

— Верно. Но она может быть молниеносной благодаря технике. Кстати, раньше я не продавал своих картин, жалко было с ними расставаться. Потом мне один художник посоветовал: продавай как раз самые удачные, тогда тебе захочется написать еще лучше. Оказалось, действительно так.

— Есть же, наверное, вещи, которые у вас не получаются?

— В моем возрасте я уже настолько хорошо знаю все свои плюсы и минусы, что просто не берусь за дело, которое у меня не получается...

— А ваш «Смак»? Что ж, вы и готовы с рождения умели?

— Да об этом просто смешно говорить! То, что я умею делать, умеет любой мужик. Некоторые просто не пробовали. Никаких чудес я не делаю, умею готовить на уровне нормального интеллигентного мужика.

— В вашей семье любили хорошо поесть, придавали значение приготовлению пищи?

— Никогда. Так, необходимая потребность, не более. Да и у меня культ еды нет. Люблю, когда приходят друзья и я могу им сделать праздник. А для себя одного я никогда не буду готовить, в лучшем случае пожарю яичницу или сделаю бутерброд.

— Чувствуете себя уверенно, спокойно в нашей жизни с ее политической, экономической, социальной расхристанностью?

— Нет, конечно. Но у меня есть очень много дел, которые я сам себе придумал и должен сделать. Это для меня самое главное. И поскольку основные силы и время уходят на мои дела, то все